

Н. Русова, В. Шевцов

«Творчество»

Стихотворение входит в цикл «Тайны ремесла». Такое название цикла не случайно и имеет глубокий смысл. Ремесло поэта представляется Ахматовой таинственным по самой своей природе, и только присутствие тайны позволяет создать по-настоящему удачный, «задорный и нежный» стих. Как же это происходит? — спрашивает Ахматова. Здесь для нее важно не то, зачем стихи существуют или какова функция поэта в мире (как у Пушкина в «Пророке» и «Памятнике»), в центре внимания стоит другое: как стихи появляются из «ничего». Когда поэт рассуждает о самом процессе творчества, это называется «авторerefлексией». Поэтому можно сказать, что перед нами — авторerefлексивный текст.

Сочинительство Ахматова представляет нам как последовательность нескольких стадий. Отсюда — использование синтаксических конструкций, начинающихся со слов «но вот...», «тогда...». Заметим, что все глаголы стоят в настоящем времени и благодаря этому читатель как бы является свидетелем творческого процесса. Не менее важно то, что лирическая героиня, обозначенная местоимением «я» в именительном падеже, появляется лишь в заключительных строках стихотворения. И неспроста: по мысли Ахматовой, роль поэта довольно скромна — он просто заносит «продиктованные» ему строчки в «белоснежную тетрадь», то есть становится активным участником процесса создания стихов лишь на его последней стадии.

Конструкция «мне чудятся» в пятой строке безлична — поэт здесь пассивно воспринимает слышащуюся ему «бездну шепотов и звонов». Итак, сначала творец должен вступить в некое загадочное состояние (неопределенные местоимения «какая-то», «какой-то» подчеркивают эту загадочность), подобное трансу, в котором он и получает возможность соприкоснуться с мировым ходом времени («в ушах не умолкает бой часов...»), с нерасчлененным потоком тех эмоций, которыми жили и живут люди, неизвестные ему (их голоса «неузнанны»), возможно, давно умершие.

Затем из этого общего потока выделяется один, «всё победивший звук». Не обязательно слово «звук» понимать в буквальном смысле — оно может являться метафорой мысли, чувства. Возникновение этого «звука» означает, что замысел будущего стихотворения уже выношен. А дальше само собой приходит его образное воплощение. Перед поэтом встают конкретные картины: он слышит (именно «слышит», ведь звучание стихов для Ахматовой не менее значимо, чем их содержание!), «как в лесу растет трава», «как по земле идет с котомкой лихо». Образ может воплотиться только в словах — и вот они «уже слышались» (обратим внимание на прекрасное уподобление рифм «сигнальным звоночкам»: действительно, рифмы как бы «сигнализируют» о конце стихотворной строки). Ахматова отчетливо осознает то, чего никак не хотел признать Жуковский — что нет поэтического замысла без его словесного воплощения.

Стихотворение уже готово, оно сложилось без участия авторской воли — и только тут поэт начинает понимать, что это произошло. В его работе как бы отсутствует мучительный поиск нужных слов, красочных образов, удачных рифм — словом, те тягостные и трудоемкие процессы, о которых так много писал Маяковский (вспомним его статью «Как делать стихи»). В другом стихотворении из того же цикла Ахматова говорит:

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

Но, без сомнения, надо обладать ее гением, чтобы «подслушать» это таинственное «что-то» у шума жизни. За таким редким умением стоит полнота душевных сил, дар к человеческому соучастию, значительность личной судьбы Анны Андреевны Ахматовой.